

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.09

А. Н. Тесленко

Профессиональное образование: социокультурные дилеммы казахстанской молодежи

Автор анализирует практику профессионального образования на примере казахстанской высшей школы. Выделяя социокультурный аспект образования, он отмечает, что в условиях модернизации казахстанского общества происходит определенная трансформация ценностных установок молодежи и констатирует культурную дилемму «Восток-Запад» в молодежном сознании.

Ключевые слова: социализация молодежи, профессиональное образование, высшая школа, ценностные ориентации.

A. N. Teslenko

Vocational Education: Sociocultural Dilemmas of the Kazakhstan Youth

The author analyzes practice of vocational education as an example of Kazakhstan Higher School. Picking out social and cultural aspects of education he says that a transformation of students' value orientation, which is happening during modernization of Kazakhstan society, states cultural dilemma «East – West» in the youth's consciousness.

Key words: the youth socialization, vocational education, Higher School, value orientation.

В условиях глубоких социально-экономических и политических преобразований в постсоветских странах проблема образования и профессиональной подготовки молодежи приобретает первостепенное значение. Традиционно, образование рассматривается как «результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков, опыта творческой деятельности, эмоционально-ценностного отношения к миру» [2, с. 89]. И как-то затеняется роль и значение образования как *социокультурного механизма социализации личности*, ее включения в систему общественных отношений и самостоятельного воспроизводства этих отношений, в том числе и культурных ценностей. Между тем, говоря о роли образования как института социализации, его следует рассматривать как «особую деятельность, превращающую молодежь из объекта в субъект; и как особую ценность, благо поновому воспринимаемого обществом и самой молодежью» [7, с. 87].

Анализ нормативно-законодательной базы высшего профессионального образования и разнообразных образовательных концепций показывает, что принцип субъектной организации образовательного процесса еще не нашел своего

практического воплощения в государственной политике в сфере образования [6–8]. Технократический (авторитарный) подход к целям образования со стороны государства формирует исключительно *репродуктивные способности личности*, что в условиях научно-технического прогресса и модернизации всех сторон общественной жизни натывается на неразрешимые в рамках системы противоречия.

Современные СМИ формируют одну из важнейших временных дисгармоний транзитного общества, непосредственно влияющего на социализацию молодежи, – разрыв между темпами роста притязаний различных групп населения (и молодежи в частности) и приращением их культурной социализации, а также общими перспективами «вертикальной» социальной мобильности, имеющейся в обществе [4]. В силу вступает закон социальной имитации: стандарты жизни наиболее продвинутых групп активно перенимаются остальными. При этом наиболее престижные группы, задающие общий социокультурный тон и стандарты поведения, оказываются наиболее поглощенными настоящим временем. Определяется ориентация к денежным доходам, а не к самореализации, к *to have* вместо к *to be*,

то есть *деньги – главное условие для их самореализации*.

Под влиянием возрастающего престижа творческого труда, удовлетворяющего запросы и требования личного благополучия, происходит небывало быстрое морально-психологическое обесценивание массовых видов труда, от которых отворачиваются все наиболее способные и деятельные, превращая их тем самым в удел нерасторопных, «не продвинутых» неудачников, «аутсайдеров».

Вместе с тем наблюдается относительно высокое стремление молодежи к получению профессиональных знаний, вызванный переориентацией молодежи от наукоемких профессий к более практичным специальностям. Молодежь считает наиболее престижными те профессии, которые обладают особой значимостью в условиях рыночной экономики, в связи с этим, выбирая свою профессию, они руководствуются в первую очередь ее предполагаемой перспективностью.

Доминантные цели социализации, стимулируемые соответствующими потребностями, (*деньги, образование, деловая карьера и удовольствия*) наглядно демонстрируют господство в умах молодых людей прагматических и гедонистических настроений. Ценность человеческой жизни здесь может быть выражена термином «жизненный успех». Ценностно-нормативная ориентация молодых людей выявляется путем постановки респондентов в ситуацию выбора средств для достижения ими такого жизненного успеха. Можно констатировать, что в выборе средств достижения доминантных целей преобладают нелегитимные способы достижения возможностями «наслаждаться жизнью», настораживает и тот факт, что это только выборка среди наиболее «продвинутой» части молодежи, будущих юристов и экономистов. Сегодня молодым людям приходится самим решать, что ценнее: обогащаться любыми средствами или приобретать высокую квалификацию, обеспечивающую их адаптацию к социальным условиям, отрицание прежних морально-нравственных норм или гибкость, приспособляемость к реалиям дня, безграничная свобода межличностных отношений или семья как оплот успешного существования.

Между тем гуманитарные цели образования, активно пропагандируемые в последнее время, «определяются представленностью в нем человека не просто как объекта изучения, а, прежде всего, субъекта творчества и познания, *субъекта*, создающего величайшие образцы культуры и

увлекательного учащих своим стремлением к творчеству» [8, с. 26].

На наш взгляд, с позиции социализации молодежи наиболее перспективным является выделение целей образования, осуществляемое с позиций холистического подхода (Р. Миллер, Г. Рюдер, Ч. Рюдер, Г. Брюндер). В качестве главной цели предусматривается *образование в духе широкой социальной коммуникабельности, культурных ценностей, интеллигентного и ответственного отношения каждого к самому себе, окружающим людям и природе, развитие свободной и позитивно настроенной личности* [14, 15]. Одновременно с этим в качестве важнейшего компонента образовательного процесса рассматривается *стремление самого учащегося как биосоциального существа к росту и развитию*. Институту образования надлежит помочь довести эту тенденцию всеми естественными средствами до оптимального ее выражения.

Образование – это «генетическая матрица» культуры, поэтому оно – один из самых устойчивых, консервативных общественных институтов. Любые реформы образования, ее уклада, ее программ должны делаться чрезвычайно осторожно. «Не навреди!» – говорили древние. Для общества и его культуры, как и для любого организма, защита его «генетического кода» – одно из главных условий продолжения рода. Безусловно, внешние условия изменяются, мы адаптируемся к ним, развиваемся; развивается и ядро культуры многонационального народа Казахстана, но массовые мутации в ходе бесконечных реформ прерывают цепь времен, производят разрыв поколений, который может стать фатальным для судьбы молодого государства.

Пользуясь радикально авторитарными механизмами управления и неограниченной властью над СМИ, образованию уже нанесен невосполнимый ущерб современными «инновациями» в образовании, который значительно тяжелее, чем разрушение сельского хозяйства и промышленности. Обнищание учительства, ухудшение питания и здоровья детей, десоциализация молодежи – это тяжелый удар по судьбам молодых людей и человеческим ресурсам страны. Таковы общие социальные и экономические условия, в которые поставлена сегодня система образования. Но главный удар наносится по исторической памяти народа, из которой выдавливается все связанное с советской эпохой. И начало было положено с переходом на западную, вернее американскую, модель высшего образования.

Ожидалось, что кредитная технология обучения в вузе создаст условия для коренного изменения парадигмы образования от *to teach*, то есть собственно образование, к активной компоненте самообразования – *to learn*. Казалось бы решительный сдвиг в сторону «управляемого самообразования» предопределен не только желанием улучшить систему образования, но и требованиями развивающихся областей науки, техники, производства, природопользования, но на практике оказалось все наоборот: «реформы исчерпываются поверхностными переименованиями и реорганизациями, в то время как настоящие изменения не происходят, и талантливые реформаторы находят себе место в других сферах общества» [13, с. 50]. *Лучшие черты старого советского образования теряются, худшие остаются. Лучшие черты западного образования отторгаются, а приживаются – измененные до неузнаваемости и потому плохие.*

С другой стороны, современная молодежь практически целиком ориентируется на западные социокультурные стандарты. Это продуктивно с точки зрения социальных новаций – возрастает мобильность молодежи, ее готовность осваивать новую территориальную, профессиональную, научно-техническую, культурную среду, что является первостепенно важным в условиях транзитного состояния казахстанского общества, но создает и ощутимые дисгармонии в воспитании молодежи, в общем процессе ее социализации. Способность к новациям развивается в ущерб усвоению долговременных социально-культурных норм и ценностей, способность ориентироваться в техногенной среде – в ущерб общекультурной интеграции.

И все это происходит на фоне становления Казахстана как этнократического государства, строящегося на системе *государствообразующего этноса* (в самой Конституции РК уже заложены основы этнической сегрегации). Правда, в современной редакции конституции нет термина государствообразующего этноса, в отличие от конституции 1993 г., где прямо говорилось о самоопределившейся казахской нации. В ней всего одно определение с приставкой «казахское», в преамбуле звучит такая фраза: «мы народ Казахстана, сложившийся на казахской земле»).

При официальной риторике о *евразийстве* как универсальном интеграционном процессе в повседневной практике культурной социализации молодежи на всех уровнях общественной жизни происходит (в терминологии англо-

американских исследователей Марта Брилл Олкот, Салли Каминс и др.) *казахизация* – процесс доминирования титулярной этнической группы в Казахстане, то есть казахов, на сцене общественной жизни страны.

Основная борьба развернулась на языковом пространстве. Сегодня роль казахского языка как государственного воздвигается в ранг неких политических традиций, то есть все должны говорить по-казахски, чтобы нравиться обществу. Но в условиях объективной мультикультурности или мультицивилизационности это приведет к возрастанию трений на социокультурной почве, так как советские кровные принципы остаются некой частью традиций как титульного населения и этноэлиты, так и нетитульных этносов. По данным социологических исследований казахский язык для большинства казахов является вторым, только *этническим языком*. Только около 37 % казахов могут разговаривать, писать и думать на казахском. А по стандартам ООН родным языком является тот, на котором человек думает, пишет и говорит. А в связи с этим для многих людей, особенно русскоязычных казахов, казахский не является родным. Так что языковой фактор не есть способ идентификации, даже если их считать казахами. Тем более казахский язык не может быть инструментом интеграции и строительства гражданской нации. Это некое наследие советской системы, деление на различные этнические группы еще очень сильно, поэтому в ближайшее время единой этнической нации в Казахстане не получится. И, скорее всего, это та реальность, с которой придется смириться.

Примерно такая же ситуация и в религиозном плане идентификации. С точки зрения национальной традиции, быть мусульманином – значит принадлежать к коренному населению региона. Традиционно не мусульманин не может считаться казахом. Однако большинство казахов не отличаются сильными религиозными устоями, в то же время они не видят себя и путь своего развития без отождествления с исламской культурой и мусульманским миром. С другой стороны, сегодня в процессе геокультурной экспансии Европы, а точнее англо-американской культуры, государство старается как можно быстрее привести свое общество под стандарты и дух западной демократии возвращенной на христианской культуре протестантского реформизма. В этих условиях складывается парадоксальная ситуация в сфере культурной социализации.

Дилемма «Восток – Запад» в массовом сознании казахстанцев предполагает, что «европейщина» – это соблюдение прав и свобод, это диктатура закона, это свободный труд, гуманное отношение к женщине, технический прогресс, а в термин «азиатчина» вкладывается негативный смысл. Но в своем реальном поведении молодой казахстанец уподобляется человеку, который говорит: «Я иду в душ, хочу смыть с себя азиатчину!», но при этом он моет только голову, чуть-чуть моется. Это говорит о том, что эта грязь ему приятна, он привык к ней. Маргинальность сознания и менталитета – главная характеристика современного Казахстана, влияющая на весь ход реализации образовательной политики государства.

Библиографический список:

1. Андреева, Т. М. Социокультурная дифференциация молодежи и проблема становления субъекта социального обновления [Текст] : автореф. дис. ... к. с. н. / Т. М. Андреева. – М., 1994.
2. Большой энциклопедический словарь [Текст] : В 2 т., Т. 2. – М., 1991.
3. Бруннер, Х. Х. Новый плюрализм в образовании Латинской Америки [Текст] / Х. Х. Бруннер // Перспективы, 1993. – № 2. – С. 81–93.
4. Бурдые, П. Образование как трамплин профессиональной карьеры [Текст] / Пьер Бурдые // Социология образования: Тексты / под. ред. В. Константиновского. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.
5. Жизненные пути одного поколения [Текст] / отв. ред. М. Х. Титма. – М. : Институт молодежи. – 1992.
6. Закон Республики Казахстан «Об образовании» [Текст]. – Алматы : Казахстан, 2001.
7. Концепция государственной политики в системе образования [Текст] // Учитель Казахстана. – 1995. – 27 сентября. – С. 1–3.
8. Концепция развития образования в Республике Казахстан до 2010 г. [Текст]. – Астана, 2005.
9. Кинг, А., Шнайдер, Б. Первая глобальная революция: Доклад Римского клуба [Текст] / А. Кинг, Б. Шнайдер. – Радикал, 1991. – № 51–52.
10. Лапин, Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры [Текст] / Н. И. Лапин. – Социс, 2000. – № 7.
11. Смелзер, Н. Социология [Текст] / Нейл Смелзер : пер. с англ. – М. : Феникс. – 1998.
12. Тесленко, А. Н. Культурная социализация молодежи: казахстанская модель [Текст] / А. Н. Тесленко. – Саратов ; Астана : ЦНТИ, 2000.
13. Штурм, К. Наблюдения и вопросы на фоне немецкого опыта [Текст] / К. Штурм // Энергия Казахстана. – 2000. – № 2. – С. 47–52.
14. Яркина, Т. Ф. Принцип холизма (целостности) как теоретико-методологическая основа школы и педагогики будущего [Текст] / Т. Ф. Яркина // Теория и практика социальной работы: отечественный и зарубежный опыт. – М. ; Тула, 1993. – С. 106–121.
15. Miller, Ron. Beyond Reductionism: The Emerging Holistic Paradigm in Education [Текст] Рон Миллер // The Humanistic Psychologist. 1993. Vol.18. #3. – P. 314–323.